

П. С. Вавилов

Психоанализ между культурологией и cultural studies

Статья посвящена выявлению взаимосвязи между психоанализом, культурологическими исследованиями (cultural studies) и культурологией. Больше внимание уделяется анализу концептуального и методологического вклада психоаналитической теории на cultural studies. Автор делает акцент на характере рецепций психоаналитических теории в западной науке, демонстрируя, что вторжение психоанализа в поле cultural studies, а также динамика их взаимовлияния была обусловлена общими идеологическими установками «подозрения» к властным институциям. Психоанализ привносит в cultural studies свою методологическую пользу тем, что с его помощью возможно выявить условия создания и потребления культурных продуктов, обнаружение стратегий репрезентаций субъекта, степень ангажированности исследователя. Делается вывод о том, что для интеграции современной психоаналитической теории в отечественную культурологию необходим продуктивный диалог между практикующими психоаналитиками, исследователями в области теории психоанализа, а также учеными, занимающимися проблемами теории и истории культуры.

Ключевые слова: культурология, история культурологии, культурные исследования, культурологические исследования, cultural studies, психоанализ, междисциплинарность, психоаналитическая культурология

Pavel S. Vavilov

Psychoanalysis between culturology and cultural studies

The article is devoted to the relationship between psychoanalysis, cultural studies and culturology. More attention is paid to the analysis of the conceptual and methodological contribution of psychoanalytic theory to cultural studies. The author emphasizes the nature of the reception of psychoanalytic theories in Western science, demonstrating that the invasion of psychoanalysis into the field of cultural studies, as well as the dynamics of their mutual influence was conditioned by the general ideological attitudes of «suspicion» towards the institutions of power. Psychoanalysis brings its methodological usefulness to cultural studies in that it can be used to reveal the conditions of creation and consumption of cultural products, the discovery of the subject's representation strategies, and the degree of the researcher's engagement. The conclusion is made that a productive dialogue between practicing psychoanalysts, researchers in the theory of psychoanalysis, as well as scholars involved in the theory and history of culture is necessary for the integration of modern psychoanalytic theory into domestic culturology.

Keywords: culturology, history of culturology, cultural studies, culturological studies, psychoanalysis, interdisciplinarity, psychoanalytic culturology

DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-12-20

В отечественной культурологии не используют одну теорию или метод, а применяют различные подходы, адаптированные к характеру проблемы (проблем) и исследовательских задач. Обычно это связано со сложными задачами культурологических исследований: чтобы иметь возможность жить, более или менее успешно справляться со своими повседневными делами, люди должны иметь представление о том, что они видят, испытывают и делают, и что с ними происходит, где, когда и с какой целью создаются, циркулируют и потребляются общие значения отдельных групп.

Эти сложные процессы нуждаются в критическом анализе, потому что они могут быть обусловлены сложными психическими факторами, а не только социально-политическим и историческим контекстом. Однако осуществить задачу

критического прочтения культурных текстов, используя отечественный культурологический аппарат, весьма проблематично.

Как признают современные исследователи, отечественная культурология, если не концептуально расходится с западными культурными исследованиями (далее – cultural studies) [1], то представляет собой «плавильный котел общеизвестной информации» [2, с. 41]. Если, по словам А. Я. Флиера, российская культурология находится «во власти стихийного „самозванства“» [3, с. 53], то не покажется странным прочесть культуру как «адаптацию человека к падшему миру» [4, с. 122], представить ее «гармоничным единством Истины, Добра и Красоты, „второй Вселенной“» [5, с. 9]. Такое «доброе» российское культурологическое знание редко обращается к самому себе за самокритикой. Да и для чего ей подрывающая себя рефлексив-

ность, когда посредством текстуального жонглирования культурологическими «переменными» (культурное наследие, культурный код, культурная идентичность, общекультурная компетентность личности и т. п.) можно провести «культурологическое» исследование, составить учебник по культурологическим дисциплинам, не боясь критики со стороны академического сообщества молодой гуманитарной науки.

Напротив, cultural studies остаются очень критичны не только к своему предметному полю, но и к занимаемой автором исследовательской позиции.

На Западе cultural studies рассматривают культуру в рамках «культуральной истории» (П. Берк), как структурную (несистемную) последовательность теоретических оптик в междисциплинарном социально-гуманитарном пространстве. Австралийский исследователь, автор учебного пособия «Cultural studies: theory and practice» (2016) К. Баркер справедливо отмечает, что «cultural studies не говорят одним голосом, они не могут быть сказаны одним голосом, и у меня нет одного голоса, с помощью которого их можно было бы представить» [6, р. 39].

Культуролог В. Куренной считает, что за программами cultural studies стоит «выявление скрытого политического характера деполитизированных – на первый взгляд – действий и явлений (повседневной. – П. В.) культуры» [7, с. 19]. Исходя из этого, можно сказать, cultural studies – это своего рода «подозреваемая» культурология. Ссылаясь на О. Марчарта, Куренной сообщает, что cultural studies «осуществляют операцию, в чем-то аналогичную психоаналитической, описанной Фрейдом в работе «Психопатология повседневной жизни», которая вскрывает глубинный симптоматический характер повседневной забывчивости, оговорок и т. д.» [7, с. 19]. Отсюда cultural studies сближаются с психоаналитической теорией, выступая способом деполитизации «оговаривающейся» культуры.

Таким образом, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить концептуальные факторы, позволяющие сблизить две исследовательские установки. Для этого необходимо выявить динамику их взаимовлияния в истории развития cultural studies, чтобы понять, какую методологическую пользу принес психоанализ на cultural studies.

Обзор зарубежных современных исследований позволяет говорить, что психоанализ внес весьма пронизательный вклад в сферу социальных наук, антропологии и cultural studies, проливая свет на бессознательные и

нерациональные элементы в формировании идентичности и субъектности, усложняя утрированные представления о том, как функционируют идеологии, помогая объяснить вопросы гендера и сексуальности, а также на процессы, связанные с этнической принадлежностью и межкультурными контактами. Изучение социального неравенства в эпоху Трампа [8], опыта иммиграции и терроризма [9], проблем маргинализированных групп [10], патриархальной и гетеросексуальной моделей поведения [11], практик «экстерьерности» тела [12], прощения и возмещения ущерба в современном обществе [13] – анализ этих проблем не только способствует эффективной клинической работе психоаналитиков с пациентами, но и позволяет социальным исследователям шире и «глубже» взглянуть на культуру и ее носителей.

Этот взгляд оправдан тем, что выделенные проблемы несут в себе статус актуальных и злободневных, и уже отсюда должны давать при серьезном подходе эффективные результаты исследований. К примеру, британская исследовательница, профессор культуры и коммуникаций Борнмутского университета (Англия), К. Йейтс, основываясь на психоаналитических концепциях об «истинном» и «ложном Я» Д. Винникотта, «объектных отношений» М. Кляйн, разрабатывает «психокультурный подход» к анализу эмоций (стыд, ревность, флирт, нарциссическое удовлетворение) в высказываниях политических лидеров стран Запада, что позволяет исследовать различные регистры смысла, которые связаны с взаимодействием культурного, политического и аффективного опыта [14].

За обещаниями Д. Трампа «Сделать Америку снова великой» и Н. Фараджа о выходе Британии из Евросоюза, прочно вошедших в культурную и историческую память современности, Йейтс обнаруживает фантазм игрока в казино, «который не создает ничего, кроме ощущения риска, страха и неопределенности в обществе» [14, р. 61]. По ее словам, ностальгическое возрождение национальной идеи в риторике Трампа через формы ложной близости со своими сторонниками является «переходным объектом» (Д. Винникотт), лишь видимой и манифестируемой вершиной айсберга «политики казино», которая также успешно функционирует в массовой культуре США (Национальная лотерея, социальные сети, ТВ-шоу, популярные веб-сериалы «Игра престолов», «Карточный домик» и др.).

Также в современном мире проводимые кросс-культурные исследования с использованием психоаналитического подхода позволяют

узнать, как в Египте смешивали психоаналитические теории с концепциями классической исламской мысли [15], выявить историю принятия психоанализа в Японии [16], понять различие между современной североамериканской/североамериканской культурой индивидуализма и менталитетом американцев-азиатов [17]. Стоит отметить, что при университете Баффало (Нью-Йорк, США) работает Центр изучения психоанализа и культуры (The Center for the Study of Psychoanalysis and Culture). В Центре изучаются вопросы психоаналитического мышления, квир-теории и сексуальных различий, теории кино, аффективности и политического радикализма, проводится психоаналитическая критика массовой культуры.

Таким образом, психоанализ XXI в. в значительной степени опирается на теорию культуры, философию, антропологию, феминизм, квир-теорию, литературоведение, постколониальные исследования, а применение психоаналитических методов на Западе принесло весомые результаты для социальных и гуманитарных наук, работают и создаются научные школы, проводятся международные конференции, выпускаются специализированные монографии по проблеме теории культуры и психоанализа.

Как мы видим, использование психоаналитического подхода позволяет затрагивать множество проблем современного общества, осуществлять критику либерализма и консерватизма, эксплуатации национальных традиций и идей в оптике «вечного подозрения» к социальным и политическим институтам власти. В то время, когда культура, искусство и медиа предстают индикатором, маркером социальных трансформаций и пертурбаций, успех психоанализа в *cultural studies* заключается в том, что выявляет скрытую идеологию и обнажает культурные связи между субъективным и политическим, которые в противном случае остались бы невидимыми.

Однако реальная исследовательская практика демонстрирует, что тенденции психоаналитического осмысления культуры в идеологической критике *cultural studies* в некоторой степени маргинализируют психоанализ, в котором исследовательское прочтение культурных текстов скрывает за собой ангажированную политическую практику.

В отличие от западного социально-гуманитарного знания, в специфичном отечественном академическом поле «культурологических исследований» психоанализ остается не самым продуктивным теоретическим подходом ввиду своей гносеологической противоречивости,

стереотипизации и бесконечного пересказа того, почему Фрейд устарел или был неправ¹. Если на Западе психоанализ применяется для демонтажа устойчивых культурных форм (идеологии, режимов власти и проведения различий), то в специфике отечественного производства гуманитарного знания психоанализ на сегодня остается либо предметом философских рефлексий [19], либо выступает прикладным инструментом анализа популярных культурных форм в сфере медиа и искусства [20–22]. В то же время наблюдаются неосторожные попытки прочтения культурных текстов самими психоаналитиками, зачастую приводящие к дискредитации психоанализа [23]. Тем не менее в отечественной гуманитарной мысли заметна исследовательская деятельность философов и практикующих психоаналитиков В. Мазина, Д. Ольшанского, В. Руднева, В. М. Лейбина. Но концептуальное культурологическое осмысление их работ еще не проведено (к сожалению, этот предмет анализа выходит за рамки настоящего исследования). Поэтому говорить об удачных примерах применения психоанализа в отечественной культурологии пока рано, даже несмотря на то, что в значительном числе российских культурологических работ в той или иной степени заявляется использование психоаналитического метода. Говорить о таком прогнозе позволяет содержание учебных пособий по теории культуры, в которых тиражируется представление о психоанализе через триаду «Фрейд-Юнг-Фромм», не давая отсылок к современным авторам и развитию психоаналитической мысли. Прежде всего для формирования такой области, как «психоанализ культуры», необходимо внимательное прочтение и толкование базовых понятий и концепций классического психоанализа (идентификация, сверх-я, идеал-я, я-идеал и пр.) [24; 25].

Таким образом, психоаналитическая парадигма, которая уже приелась на Западе и сформировала особое крыло в направлении *cultural studies* со своей «политикой подозрения», с трудом адаптирована в рамках отечественной версии *cultural studies* – культурологии. Однако, если рассматривать исторически, то сближение психоанализа и *cultural studies* на Западе не было особо гладким. Британский исследователь М. Растин в работе, посвященной взаимо-

¹Как известно, работы Фрейда в СССР начали масштабно издаваться и переиздаваться только с конца 1980-х гг. Но и после этого представление об идеях основателя психоанализа обычно сводилось к краткому перечислению нескольких основных позиций и не подразумевало глубокого изучения (заметим в скобках, что не последняя роль в поддержании этих представлений принадлежала и принадлежит некоторым вузовским учебникам по гуманитарным дисциплинам)» [18, с. 422].

отношению этих исследовательских установок, замечает, что в 1930–1950 гг. психоанализ не был популярен, ввиду идеологических разногласий между левой марксистской парадигмой cultural studies и буржуазным идеализмом [26].

Ситуация начала меняться в 1960-е гг., когда в социально-гуманитарном знании закрепились фрейд-марксистская программа социализации психоанализа, которая практически становится одним из манифестов контркультуры, подогреваемая известными социальными и культурными пертурбациями второй половины XX в. Т. Рошак в работе «Истоки контркультуры» анализирует сходство и различия политик сближения Фрейда и Маркса у Г. Маркузе и Н. Брауна, получивших контркультурное признание в 1960-е гг. Для Маркузе культура репрессивна, потому что в современном техногенном обществе навязывает ложные потребности, создает эффект внешнего принуждения. Для Брауна же, наоборот, репрессивный потенциал культуры эндогенен, она есть «болезненное воплощение телесных метафор, возникших в результате репрессии на глубочайшем инстинктивном уровне» [27, с. 181]. Нельзя не отметить, что Браун в одной из своих работ рассматривает психоанализ в рамках теории культуры. «Психоаналитическая теория терапии должна быть теорией культуры не только потому, что она должна находить в культуре выход для либидо, но и потому, что осознание бессознательного, в которое входит терапия, само по себе является либидинальным феноменом, а, следовательно, и культурным феноменом» [28, р. 145].

С тех пор между cultural studies и психоанализом долгое время сохранялась дистанция, но тем не менее между ними было много общего. Общим стало использование метода «свободных ассоциаций», который стал инструментом анализа символических практик в культуре с выявлением латентных значений. Общим местом стали тенденции сближения с марксизмом Л. Альтюссера и А. Грамши в 1970-е и 1980-е гг., социальной теорией (теория гегемонии Э. Лакло и Ш. Муффа) и уже позже с появлением психоаналитической теории политической идеологии С. Жижека. Социальные и культурные конфликты ассоциировались с запрещенными желаниями и их идеологическим подавлением. Обществу, сосредоточенному на потреблении и стремлении к удовольствию, необходимо выйти из гегемонии «репрессивной десублимации», предначертанной Маркузе.

Растин сообщает, что работа «Черная кожа, белые маски» (Black Skin, White Masks, 1952) Ф. Фанона, посвященная тому, как «фор-

мировалась идентичность темнокожих при колониализме, благодаря силе взгляда белого „другого“» [26, р. 254], не только появилась до лакановской версии психоанализа, но и сформировала исследовательские ориентиры раннего С. Холла, ставшего руководителем бирмингемского Центра современных культурных исследований. Таким образом, не психоанализ развернул cultural studies в сторону критики постколониализма, а ровным счетом, наоборот. Не будет ошибкой и предположить, что Центр современных культурных исследований и cultural studies способствовали появлению известной Люблянской школы психоанализа, учредившей исследовательские проекты деполитизации культуры, в рамках которых дается психоаналитическое понимание ложных и навязанных этнических, расовых, гендерных идентичностей.

Благодаря трудам Л. Альтюссера, Э. Лаклау и Ш. Муффа (1985), лакановская версия психоанализа стала наиболее значимой в Британских культурологических исследованиях. Лакановский психоанализ «выдвигает на передний план культурную конструкцию субъекта через приобретение языка и понимание субъективности с точки зрения его социальной и культурной идентичности» [26, р. 251]. Культура и дискурс были полностью определяющими в построении субъективностей. Таким образом, лакановский психоанализ нашел значительное применение при анализе сложных форм идеологического господства и конфликтов, происходящих в рамках кризиса сложной социальной системы.

Американский исследователь Р. Дэвис, изучая проблему субъекта в cultural studies через призму фрейд-лакановской теории, приходит к выводу, что cultural studies субъективны, но не сводятся к номинальности или необъективности [29, р. 33]. Опираясь на исследование Р. Уильямса, Дэвис сообщает, что причины такого понимания фундируются различием между «культурой I» и «культурой II» – двумя концепциями культуры в cultural studies. Первая – это и есть живой опыт, результат социальных практик, в котором опыт или «структура чувств» является основанием, «базисом» культуры. За этим пониманием скрывается классическая антропологическая трактовка культуры как образа жизни. «Я бы определил теорию культуры как исследование между элементами цельного образа жизни» [30, с. 59]. «Культура II» является эффектом «зарегистрированных» культурных текстов и практик. В рамках уже этого структуралистского понимания, «конкретная культура в определенный момент производит [конструирует. – П. В.] опыт в специфической

конфигурации-культуре, по сути, имея своего рода приоритет над опытом» [29, р. 33]. Иначе говоря, исследователь культуры уже заинтересован, а значит и ангажирован производить демонтаж устойчивых культурных форм. Отсюда следует сказать, что осуществлять критику культуры можно с позиции некой другой, «надстроечной» культуры². Дэвис приходит к выводу, что на этой позиции основаны попытки Фрейда прочесть текст сновидения, позволяющие отбросить субъективный каркас интерпретатора. «Анализ субъекта как культурной конструкции в рамках „культуры II“ начинается с субъективного исторического размещения критика, встраивания самого исследователя в исторически и идеологически конкретный момент, который Фрейд пытался достичь в интерпретации своих сновидений» [29, р. 33]. Именно этот проект встраивания наблюдателя в различные культурные ситуации и модели позволил cultural studies стать больше, чем «бескорыстное» наблюдение или проявление доброжелательности, проявляемое представителями могущественных классов для того, чтобы «помочь» угнетенным.

Тем не менее вторжение психоанализа в поле cultural studies не обошлось без обстоятельных рефлексий. С. Холл в своем выступлении, посвященном влиянию (интервенции) психоаналитической теории на cultural studies, поднимает три важных вопроса: 1) какой психоанализ стоит иметь в виду в cultural studies?; 2) каким образом вмешательство психоанализа привело к фундаментальному переосмыслению основных вопросов и идей, сформировав новую область для cultural studies?; 3) что мешает корректному взаимодействию между психоанализом и cultural studies?

Раскрывая и отвечая на первый вопрос, Холл сообщает, что решающее влияние на теорию культуры оказали психоанализ лакановского толка и феминистская критика. Однако, согласно Холлу, «чем очевиднее психоанализ пытался превратить себя в культурную теорию, тем меньше от него было пользы» [32, р. 889–890]. Этот парадокс он объясняет тем, что у психоанализа довольно специфичная фиксация на своем собственном объекте, которая не может в полном объеме пролить свет на первостепенные вопросы cultural studies. Кроме этого, Холл высказывает интересную мысль, что ла-

кановская теория и cultural studies возникли в результате одних и тех же интеллектуальных и теоретических разрывов, образовавшихся в русле семиотики, структурализма, марксистской теории культуры и феминистской теории.

Разворачивая мысль вокруг второго вопроса, Холл говорит, что психоанализ позволил пролить свет на символические формы культуры. Но когда вопросы о субъективности, сексуальности, бессознательном, репрезентации и языке вторглись в пространство cultural studies, то обозначилась проблема понимания бессознательного. Присутствие последнего уже означало, что «больше невозможно принять социологическое или культурно-антропологическое объяснение того, как внутреннее выходит наружу и как внешнее проникает внутрь» [32, р. 891]. При этом идея о едином, неразделенном субъекте утрачивает классическое марксистское представление, заменяясь концептом неполноты и расщепленности субъекта.

Холл настаивает, что поставленные психоанализом проблемы проекции, интроекции, сексуальности, субъективности не очень просто решить теоретически, но и не стоит их отбрасывать. Во-первых, потому что без изучения «форм сексуальных различий» нельзя дать должное объяснение функционирования социальных и культурных институтов. Во-вторых, психоанализ позволяет более инструментально подойти к проблеме субъективности, а именно, «как на результат процесса, а не как на вещь, от которой процесс разворачивается» [32, р. 893]. В-третьих, психоанализ позволяет вести речь об идеологии как о субъективизированной системе репрезентаций социальных, этнических, гендерных моделей поведения.

Давая ответ на третий вопрос, Холл прежде всего с критикой обрушивается на лакановскую модель, применяемой в cultural studies. Во-первых, лакановская теория отталкивается от того, что субъект обретает свою субъективность благодаря четырем разнородным процессам (идентификация, установление сексуальных различий, усвоение языка, усвоение «законов культуры»), происходящих в одно и то же время, но имеющих специфичную и гетерогенную историю развития. Иначе говоря, их не следует сводить друг к другу. Во-вторых, Холл настаивает, что не следует принимать догматически и буквально популярную лакановскую формулу, по которой бессознательно структурировано как язык, так как бессознательно «может быть конституировано только как язык; нет другого способа понять это» [32, р. 895].

В-третьих, трудный теоретический психоаналитический язык Лакана и постлакано-вской

² В качестве гипотезы ею вполне может выступить «культура III», или «культура селективной традиции», «соединяющая „зарегистрированную культуру“ прошлых эпох и „живую культуру“ настоящего» [31, с. 80]. Можно сказать, что благодаря ей возникли концепт карнавальности М. Бахтина, «археология знания» М. Фуко, ориентализм Э. В. Саида, «места памяти» П. Нора.

теории осложняет концептуальное представление о том, что такое «социальное», а также о факторах его трансформации. Отсюда, как замечает Холл, прослеживается перекоп в сторону исследований субъективных процессов за счет устранения вопроса о функционировании социального и его собственных механизмов. Социальные теории требуют теории субъективности, но не могут быть заменены ею, сведены друг к другу, происходить друг из друга. Согласно Холлу, из психоаналитического теоретического поля довольно сложно выйти к проблематике социальных и политических сил, актуальной культурной борьбы³: «Что такое политика, в которой вы уже замешаны в насилие, против которого вы пытаетесь бороться? Разве не это говорит нам психоанализ?» [32, р. 896].

В конце 1980-х гг. Р. Джонсон отметил, что «имеется немало возможностей для критического использования фрейдовских категорий в культурных исследованиях» [33, с. 124], несмотря на популярные попытки «психоаналитического» прочтения текста культуры, уходящие в сторону абстракций и упрощений, и таким образом, ускользающие от исторической перспективы и актуальной социальной повестки. Согласно Джонсону, есть четыре основных аспекта или момента культуры: (а) момент производства (например, написание стихотворения и его публикация); (б) произведенный продукт («текст»); (в) получение или потребление продукта («чтение»); и (г) «живая культура» (т. е. значения, ценности, идентичность, наслаждения, желания и т. д. человеческих субъектов, населяющих данную культуру). Из них Джонсон выводит три основных модели cultural studies [33, с. 131]. Если мы обратим внимание на не столь давнее исследование Ю. Крамера и К.-У. Виола, посвященное современному вкладу психоаналитической мысли на cultural studies, то заметим, что выведенные автором преимущественные стороны сближения психоанализа и cultural studies [34, р. 239] в концептуальном плане недалеко ушли от моделей Джонсона (см. табл.).

Основные модели cultural studies (Р. Джонсон)	Преимущества использования психоанализа в cultural studies (Ю. Крамер и К.-У. Виола)
1) исследования производства – изучение условий создания культурных продуктов, как частное становится публичным;	1) с междисциплинарной точки зрения психоаналитическая мысль и метод плодотворно влияют на цели, методологию и самопонимание ученого;
2) исследования произведенного продукта текста – изучение потребления текста, репрезентация репрезентации;	2) психоанализ улучшает понимание текстов и средств массовой информации;
3) исследования живых культур – критика господствующих репрезентаций.	3) применение различных форм психоанализа помогает читать и понимать проблемы, связанные с неолиберализмом и неолиберальным обществом (безопасность, контроль, психическое здоровье и т. п.).

Сопоставление данных в таблице позволяет выделить три исследовательских ракурса, позволяющих представить пользу психоаналитической теории для cultural studies: во-первых, психоанализ помогает понять, почему власть влияет на условия создания культурных продуктов, почему исследователь ангажирован конкретной проблематикой их изучения; во-вторых, психоанализ позволяет пролить свет на институциональные условия, в которых совершается практика потребления текста⁴ и усваиваются модели идентичности; в-третьих, психоанализ делает возможным обнаружение способов и стратегий (ре)презентирования субъекта в неолиберальном обществе.

Подытоживая исследование, отметим еще ряд проблем, которые необходимо разрешить для выстраивания диалога между cultural studies и психоанализом в России. Если Фрейд и рассматривал в антрополого-метапсихологическом смысле культуру как «всю сумму достижений и учреждений» [37, с. 88], то за культурной практикой следует и признать сам акт осуществления математической операции (суммирование достижений), в (из-за) которой ведется борьба за культурные институты и идентичности. В этом междисциплинарном отношении можно задать вопросом: если Фрейд и сформулировал «культурологию классического психоанализа» [38, с. 45], если утверждается, что учение Фрейда стало «основой для формирования особых на-

³ Одним из тех, кому удалось выйти к проблематике социального, оставаясь на психоаналитическом поле, является С. Жижек. «Когда типичный теоретик культуры имеет дело с философской или психоаналитической установкой, анализ сосредотачивается исключительно на выявлении ее скрытой патриархальной, европоцентристской, идентификационной „предвзятости“, даже не задавая наивных, но тем не менее необходимых вопросов: „Хорошо, но какова структура мира? Вселенная? Как „на самом деле“ работает человеческая психика?“. В culture studies такие вопросы даже не воспринимаются всерьез, поскольку они просто сводятся к историческим размышлениям об условиях, в которых определенные понятия возникли в результате исторически сложившихся властных отношений» [35, р. 14].

⁴ В этом контексте стоит отметить исследование философа и психоаналитика А. Е. Смулянского, обратившего внимание на практики чтения в процессе сексуации: «Чтение представляет собой не универсальный навык, последовательно или беспорядочно продвигающий субъекта на путях интеллектуального или эстетического развития, а особую форму сопряжения знания с наслаждением» [36, с. 240].

правления психоаналитической теории – психоаналитической культурологии» [39, с. 188], то почему эта разновидность культурологии не получила выраженного развития в России? Во-первых, на парадигмальное развитие отечественного культурологического знания влияет историко-культурная ситуация, особым образом определяющая психоаналитическую мысль в научной гуманитаристике.

В России отсутствуют научные школы, изучающие проблемы культуры и общества с позиции современного психоаналитического знания, не переводятся на русский язык западные исследования, посвященные этим проблемам, отсутствуют специализированные периодические научные издания.

Во-вторых, современный психоанализ, подпитываемый⁵ лакановским учением, представляет «эзотерическое» поле научной деятельности, которое проблематично перевести на культурный контекст современности в русскоязычных странах. В-третьих, беглое «школьное» прочтение наследия Фрейда дает понять, что психоаналитическое понимание культуры покрывается только ее репрессивным, сексуализированным характером по отношению к ее субъекту-носителю.

С другой стороны, хочется верить, что психоаналитическая культурология будет наконец-то представлена в академическом поле. Но это произойдет тогда, когда выстроится диалог между психоаналитиками и культурологами, западными коллегами, работающими в данных областях, а результат их плодотворной работы будет отражен в отечественных учебных пособиях и монографиях по теории и истории культуры. По аналогии с западными достижениями в области cultural studies такие исследования можно и нужно проводить, тем самым проливая свет на злободневные проблемы (э)миграции в постсоветском пространстве, этнической идентичности и национального самосознания, (де)легитимации «домашнего» насилия, роста политического радикализма и экстремизма, харассмента и буллинга, цифровизации культуры на фоне тенденции онлайнизации нашего повседневного бытия. Все эти проблемы значимы и открыты для исследовательских задач в рамках отечественной культурологии. Но для их решения необходимо перенять и использовать западный исследовательский опыт, в том числе и для совершенствования методологического аппарата российской культурологии.

Список литературы

1. Усовская Э. А. Дисциплинарный статус и категоризация культурологии // Человек в социокультурном измерении. 2020. № 1. С. 5–11.
2. Павильч А. А. Специфика репрезентации сравнительной культурологии в современных учебных изданиях // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2019. № 1 (31). С. 39–44.
3. Флиер А. Я. Культурология как система познания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 53–59.
4. Лурье С. В. К формированию православной культурологии: первые опыты // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 2. С. 122–139.
5. Мамонтов А. С. Морослин П. В., Мамонтов С. П., Григорьев Н. Ю. Культурология: учебник для акад. бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 345 с.
6. Barker C., Jane A. E. Cultural studies: theory and practice. Los Angeles; London: SAGE. 2016. 722 p.
7. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1. С. 14–79.
8. Aibel M. The personal is political is psychoanalytic: politics in the consulting room // Psychoanalytic perspectives. 2018. Vol. 15, № 1. P. 64–101.
9. Ainslie R. C., Tummala-Narra P., Harlem A., Barbanel L., Ruth R. Contemporary psychoanalytic views on the experience of immigration // Psychoanalytic psychology. 2013. Vol. 30, № 4. P. 663–679.
10. Alford C. F. Mirror neurons, psychoanalysis, and the age of empathy // International journal of applied psychoanalytic studies. 2016. Vol. 13, № 1. P. 7–23.
11. Brenkman J. Straight male modern: A cultural critique of psychoanalysis. New York; London: Routledge, 2015. 282 p.
12. Skin, culture and psychoanalysis / ed. S. Cavanagh, A. Failler, R. Hurst. Berlin: Springer, 2013. 277 p.
13. Haaken J. The good, the bad, and the ugly: Psychoanalytic and cultural perspectives on forgiveness // Before forgiving: Cautionary views of forgiveness in psychotherapy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 172–191.
14. Yates C. Reflecting on the study of Psychoanalysis, Culture and Society: the development of a psycho-cultural approach // Psychoanalysis, Culture & Society. 2018. Vol. 23, iss. 1. P. 54–67.
15. El Shakry O. The Arabic Freud: Psychoanalysis and Islam in Modern Egypt. Princeton: Princeton Univ. Press. 2017. 224 p.
16. Elliott A., Katagiri M., Sawai A. Japanese psychoanalysis as deciphering the Japanese unconsciousness and supporting the Japanese subject // In Companion to Contemporary Japanese Social Theory. New York [et al]: Routledge, 2014. P. 85–107.
17. Roland A. Cultural pluralism and psychoanalysis: The Asian and North American experience. New York [et al]: Routledge, 2013. 228 p.

⁵ Семинары Ж. Лакана переводятся и издаются до сих пор в различных редакциях.

18. Карелин В. Книги о психоанализе культуры, ее психоаналитиках и пациентах: обзор психоаналит. исслед. культуры // Новое лит. обозрение. 2007. № 85. С. 422–427.
19. Агапов П. В. Психоанализ Зигмунда Фрейда: социал.-филос. генезис // Вопросы политологии. 2020. № 5. С. 1333–1342.
20. Клочков М. В. К вопросу популярности рэпа в современной Российской культуре с позиций психоанализа // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4 (72). С. 107–112.
21. Пুтра В. А. Репрезентация Эдипова комплекса в образе Гарри Поттера: опыт психоанализа // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2, № 2 (38). С. 27–31.
22. Строева О. В. Деконструкция клише, психоанализ и нуар в современных фантазийных и исторических сериалах // Художественная культура. 2020. № 2. С. 288–315.
23. Зислин И. М. Колобки и репки. Как психоаналитики превращаются в сказочников. Ч. 1 // Неврологический вестник. 2020. Т. 52, № 1. С. 60–67.
24. Вавилов П. С. От «культуры психоанализа» к «психоанализу культуры»: проблемы Сверх-я от Фрейда к Лакану. Ч. 1 // Вопросы культурологии. 2017. № 1. С. 30–34.
25. Вавилов П. С. От «культуры психоанализа» к «психоанализу культуры»: проблемы Сверх-я от Фрейда к Лакану. Ч. 2 // Вопросы культурологии. 2018. № 3. С. 52–57.
26. Rustin M. Psychoanalysis and cultural studies in Britain // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2017. Vol. 22, iss. 4. P. 243–261.
27. Рошак Т. Истоки контркультуры / пер. с англ. О. А. Мышаковой. М.: АСТ, 2014. 380 с.
28. Brown O. N. Life against death: the psychoanalytical meaning of history. Hanover, New Hampshire: Wesleyan Univ. Press, 1985. 387 p.
29. Davis R. Freud, Lacan, and the subject of cultural studies // *College Literature*. 1991. Vol. 18, № 2. P. 22–37.
30. Иглтон Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 192 с.
31. Черемушкина Е. Ф. Мировоззренческие сдвиги в концепции культуры в работах Р. Г. Уильямса // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 2. С. 77–83.
32. Hall S. Psychoanalysis and cultural studies // *Cultural Studies*. 2018. Vol. 32, № 6. P. 889–896.
33. Джонсон Р. Что же такое культурные исследования? // Логос. 2012. № 1. С. 80–136.
34. Kramer J., Viol C. U. Introduction: Psychoanalysis in cultural studies – positions, perspectives and proposals // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2017. Vol. 22, iss. 3. P. 237–242.
35. Žižek S. Lacan between Cultural Studies and cognitivism // *Umbr(a): Science and Truth*. 2000. № 1. P. 9–32.
36. Смулянский А. Е. Метафора Отца и желание аналитика: сексуация и ее преобразование в анализе. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 304 с.
37. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 65–134.
38. Драч Г. В., Штомпель О. М., Штомпель Л. А., Королев В. К. Культурология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. 384 с.
39. Шукуров Д. Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 2. С. 175–188.

References

1. Usovskaya E. A. Disciplinary status and categorization of culturology. Man in socio-cultural dimension, 2020. 1, 5–11 (in Russ.).
2. Pavilch A. A. Specificity of representation of comparative culturology in modern academic publications. Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts, 2019. 1, 39–44 (in Russ.).
3. Flier A. Y. Culturology as a system of cognition. Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2016. 2, 53–59 (in Russ.).
4. Lurie S. V. To the formation of orthodox culturology: the first experiences. Siberian anthropological journal, 2020. 2, 122–139 (in Russ.).
5. Mamontov A. S. Moroslin P. V., Mamontov S. P., Grigoryev N. Yu. Kulturology: textbook for acad. baccalaureate. M.: Publ. house Yurait, 2017. 345 (in Russ.).
6. Barker C., Jane A. E. Cultural studies: theory and practice. Los Angeles; London: SAGE. 2016. 722.
7. Kurennoy V. Research and political program of cultural research. Logos, 2012. 1, 14–79 (in Russ.).
8. Aibel M. The personal is political is psychoanalytic: politics in the consulting room. *Psychoanalytic Perspectives*. 2018. 15 (1), 64–101.
9. Ainslie R. C., Tummala-Narra P., Harlem A., Barbanel L., Ruth R. Contemporary psychoanalytic views on the experience of immigration. *Psychoanalytic Psychology*. 2013. 30 (4), 663–679.
10. Alford C. F. Mirror neurons, psychoanalysis, and the age of empathy. *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2016. 13 (1), 7–23.
11. Brenkman J. Straight male modern: A cultural critique of psychoanalysis. New York; London: Routledge, 2015. 282.
12. Cavanagh S. (ed.), Failer A. (ed.), Hurst R. (ed.). Skin, culture and psychoanalysis. Berlin: Springer, 2013. 277.
13. Haaken J. The good, the bad, and the ugly: Psychoanalytic and cultural perspectives on forgiveness. Before forgiving: Cautionary views of forgiveness in psychotherapy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. 172–191.
14. Yates C. Reflecting on the study of Psychoanalysis, Culture & Society: the development of a psycho-cultural approach. *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2018. 23 (1), 54–67.
15. El Shakry O. The Arabic Freud: psychoanalysis and Islam in Modern Egypt. Princeton: Princeton Univ. Press. 2017. 224.

16. Elliott A., Katagiri M., Sawai A. Japanese psychoanalysis as deciphering the Japanese unconsciousness and supporting the Japanese subject. In *Companion to Contemporary Japanese Social Theory*. New York [et al]: Routledge, 2014. 85–107.
17. Roland A. *Cultural pluralism and psychoanalysis: The Asian and North American experience*. New York [et al]: Routledge, 2013. 228.
18. Karelin V. Books on psychoanalysis of culture, its psychoanalysts and patients: review of psychoanalytic studies of culture. *New lit. rev.* 2007. 85, 422–427 (in Russ.).
19. Agapov P. V. Psychoanalysis of Sigmund Freud: socio-philosophical genesis. *Political Science Issues*. 2020. 5, 1333–1342 (in Russ.).
20. Klochkov M. V. To the popularity of rap in modern Russian culture from the standpoint of psychoanalysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2020. 4 (72), 107–112 (in Russ.).
21. Putra V. A. Oedipus complex representation in the image of Harry Potter: the experience of psychoanalysis. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, 2019. 2, 2 (38), 27–31 (in Russ.).
22. Stroeva O. V. Deconstruction of clichés, psychoanalysis and noir in modern fantasy and historical series. *Artistic Culture*, 2020. 2, 288–315 (in Russ.).
23. Zislin I. M. Koloboks and turnips. How psychoanalysts turn into storytellers. P. 1. *Neurological Bulletin*, 2020. 52 (1), 60–67 (in Russ.).
24. Vavilov P. S. From «culture of psychoanalysis» to «psychoanalysis of culture»: problems of Super-Ego from Freud to Lacan. P. 1. *Issues of Cultural Studies*. 2017. 1, 30–34 (in Russ.).
25. Vavilov P. S. From «culture of psychoanalysis» to «psychoanalysis of culture»: problems of Super-Ego from Freud to Lacan. P. 2. *Issues of Cultural Studies*. 2018. 3, 52–57 (in Russ.).
26. Rustin M. Psychoanalysis and cultural studies in Britain. *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2017. 22 (4), 243–261.
27. Roshak T.; Myshakova O. A. (transl.). *The making of a counter culture*. M.: AST, 2014. 380 (in Russ.).
28. Brown O. N. *Life against death: the psychoanalytical meaning of history*. Hanover, New Hampshire: Wesleyan Univ. Press, 1985. 387.
29. Davis R. Freud, Lacan, and the subject of cultural studies. *College Literature*, 1991. 18 (2), 22–37.
30. Eagleton T., Kushnareva I. (transl.). *The idea of culture*. M.: Higher School of Economics Publ. house, 2012. 192 (in Russ.).
31. Cheremushkina E. F. Worldview shifts in the concept of culture in the works of R. G. Williams. *Humanitarian: Actual problems of humanitarian science and education*. 2014. 2, 77–83 (in Russ.).
32. Hall S. *Psychoanalysis and cultural studies*. *Cultural Studies*. 2018. 32 (6), 889–896.
33. Johnson R. What are cultural studies? *Logos*, 2012. 1, 80–136 (in Russ.).
34. Kramer J., Viol C. U. Introduction: Psychoanalysis in cultural studies – positions, perspectives and proposals. *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2017. 22 (3), 237–242.
35. Žižek S. Lacan between cultural studies and cognitivism. *Umbr(a): Science and Truth*. 2000. 1, 9–32.
36. Smulyansky A. E. Metaphor of the Father and the analyst's desire: sexuation and its transformation in analysis. M.: Higher School of Economics Publ. house, 2019. 304 (in Russ.).
37. Freud Z. Dissatisfaction with culture. *Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and introductory art.* A. M. Rutkevich. M.: Renaissance. 1991. 65–134 (in Russ.).
38. Drach G. V., Shtompel O. M., Shtompel L. A., Korolev V. K. *Culturology: textbook for univ.* SPb.: Piter, 2011. 384 (in Russ.).
39. Shukurov D. L. The formation of the psychoanalytic approach to the study of culture in the West and Russia. *Solovyov studies*. 2013. 2, 175–188 (in Russ.).